ТРИДЦАТОЕ ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Вторник, 12 февраля 1946 года, 9 ч. 15 м. вечера.

Страница

66. Вопрос о беженцах: Доклад Третьего комитета — Резолюция (окончание) 220

Председатель: П. А. СПААК (Бельгия).

66. Вопрос о беженцах: Доклад Третьего комитета — Резолюция (документ A/45) (окончание[1])

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Мы продолжим общее обсуждение доклада Третьего комитета по вопросу о беженцах.

Слово имеет представитель Югославии г-н Беблер.

А. БЕБЛЕР (Югославия) *говорит по-французски:* Делегация Югославии дала Комитету, занимающемуся вопросом о беженцах, еще в самом начале прений, довольно точную картину того, что теперь принято называть югославской эмиграцией. Мы уже указали, что наряду с лицами, перемещенными немцами как военнопленные, интернированные или угнанные на принудительные работы, существует много беженцев, которые не спасались от немцев и не были перемещены ими. Напротив, они бежали из своей страны вместе с немцами при наступлении армий-освободительниц, потому что они сознавали свою вину перед своим народом. Вследствие этого небольшие армии квислингов находятся за пределами нашей страны. Мы считаем такое положение ненормальным, представляющим опасность для добрых отношений между странами и, следовательно, для поддержания мира.

На основании вышеуказанного мы подчеркнули, что в интересах добрых отношений между Объединенными Нациями положить конец такому порядку вещей, и мы указали на путь, по которому, по нашему мнению, надлежит следовать.

Итак, повторяем, войска эти состоят из элементов, являющихся преступными как с субъективной, так и с объективной точки зрения, а также из элементов, совершивших ошибки, если судить объективно. Последние, как нами было уже указано, могут вернуться на родину без всяких опасений на основании действующих у нас законов амнистии, в то время как первые, зачинщики измены, должны быть выданы, чтобы ответить за свои преступления перед родиной и человечеством.

Но есть еще другие лица, которые живут вне пределов своей родины и находятся в совсем другом положении. Я говорю о беженцах из единственной фашистской страны в Европе — франкистской Испании. Имеются также немецкие евреи и некоторые другие категории людей, которые, по уважительным причинам, не возвращаются на родину.

Какой же установить критерий для различия между лицами, заслуживающими поддержки, даже в течение длительного периода, и теми, чье пребывание за границей является вредным для добрых отношений между странами? По нашему мнению, критерий этот не сложен. Достаточно спросить себя, кто является жертвой фашистского агрессора и кто не является ею. Жертвы фашистского агрессора могут всецело рассчитывать на нашу поддержку, в то время как те, кто не является жертвой этого агрессора, представляют политическую проблему, которую следует разрешить как можно скорее, если мы хотим избежать пагубных последствий.

С этого началась продолжительная дискуссия как в Комитете, так и в его Подкомитете, результатом которой является представленная сегодня резолюция. Она ясно подчеркивает глубокую разницу, существующую между категориями лиц, находящихся в данное время вне пределов своей родины. Резолюция покоится на принципе, что главной задачей в отношении перемещенных лиц является всемерная поддержка и поощрение, направленные к скорейшему их возвращению на родину (в этом мы обязаны, между прочим, чувству глубокого понимания представителя Соединенных Штатов Америки г-жи Рузвельт).

Но нам кажется, что резолюция останавливается на полпути. Прежде всего, не проведя последовательного различия между жертвами фашизма и беженцами, не являющимися ими, резолюция обещает всем лицам, без разбора, за исключением явных квислингов и военных преступников, что судьба их будет находиться в руках международного органа. Такого рода растяжимым понятием она охватывает — что касается нашей страны — амнистированных солдат квислинговской армии, которые не желают вернуться и выдачи которых мы не требуем; она охватывает категорию лиц — я не говорил о них ввиду их малого значения — не желающих проживать на родине, вследствие их антидемократической деятельности в прошлом, а зачастую и в настоящем. Включив всех этих людей, резолюция приводит к тому, что демократическое правительство принимает косвенным образом участие в расходах по поддержке своих эмигрировавших врагов. По нашему мнению, такого рода положение недопустимо.

В заключение, резолюция не дает достаточных гарантий, что будет сделано все возможное, чтобы перемещенные лица, находящиеся под влиянием, а часто и под давлением, офицеров или других элементов, враждебно настроенных к возвращению этих лиц на родину, были хорошо осведомлены о существующем там экономическом и правовом положении, что в большинстве случаев имеет решающее значение, если мы хотим их возвращения домой. Настоящее положение требует принятия мер в этом направлении.

Г-н Вышинский ссылался[2] на сообщения, которые были опубликованы в утренних газетах. Я не буду повторять их. Мы считаем, что демократические правительства должны были бы установить непосредственный контакт с этими людьми, чтобы парализовать влияние антидемократических элементов, которые любой ценой

[1] Стр. 218.

[2] Стр. 219.

Digitized by UNOG Library

хотят сделать из этих людей орудие провокации и авантюры, направленное против их родины.

В частности, толкование текста, данное председателем Комитета, нам кажется диаметрально противоположным тому, что мы должны решить по этому вопросу. На самом деле, председатель в своем докладе, зачитанном им сегодня, сказал, что информация, сообщаемая беженцам правительствами стран их происхождения будет передаваться им через посредство международной организации. Таким образом, судя по его словам, прямой контакт не будет возможен между широкими массами перемещенных лиц и представителями правительств. Почему, хотелось бы мне знать.

Но более того: большинство членов Комитета, участвовавших в голосовании резолюции, отвергли даже советское предложение запретить в лагерях всякую пропаганду, направленную против Объединенных Наций или членов Организации, а также всякую пропаганду, направленную против репатриации беженцев.

Ассамблея не может согласиться с Комитетом по вопросам, указанным мною, в особенности по двум последним, если она хочет достигнуть стройного и последовательного разрешения важного вопроса о беженцах.

По этим причинам делегация Югославии поддерживает резолюцию Комитета с поправками, внесенными делегацией Союза Советских Социалистических Республик, и предлагает Ассамблее принять эту резолюцию.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Слово имеет представитель Польши г-н Виневич.

Ю. ВИНЕВИЧ (Польша) *говорит по-английски*: Проблема беженцев была всесторонне рассмотрена Комитетом по социальным вопросам. Однако не все подробности этого обсуждения смогли быть представлены в докладе, который в данный момент рассматривается Ассамблеей. Я говорю это при полном уважении к докладчику, составившему столь замечательный и всеобъемлющий доклад. Доклад не упоминает, например, точки зрения, выраженной некоторыми делегациями в Комитете, что солдаты союзных армий, которые содействовали нашей общей победе и хотели бы остаться за границей, вдали от своей родины, не должны рассматриваться как беженцы. Более того, польская делегация считает, что их вклад в общее дело победы Объединенных Наций дает им право на нечто большее и лучшее, нежели положение нищего изгнанника на чужбине. Их проблема требует особого разрешения, согласно обещаниям, которые были уже даны некоторыми из правительств, которых эта проблема затрагивает. Поэтому эта проблема должна быть разрешена путем двусторонних соглашений между странами, а не в международном порядке; но мы не собираемся вносить поправки по этому пункту. Мы считаем, что вопрос этот будет поднят во время дискуссии в Экономическом и Социальном Совете.

Мы поддерживаем поправку, предложенную делегацией СССР, потому что нам кажется, что она подчеркивает, и вполне правильно, политическую важность проблемы, гуманитарное значение которой никто не намерен отрицать, менее всего польская делегация, делегация народа, чьи сыны столь жестоко пострадали.

Разрешите отметить, что вторая часть советской поправки до известной степени соответствует резолюции, единогласно принятой Первым комитетом, т. е. резолюции о выдаче военных преступников. Поэтому мы полагаем, что Ассамблея должна была бы принять мысль, выраженную в поправке, внесенной делегацией СССР.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Слово имеет представитель Соединенных Штатов Америки г-жа Рузвельт.

Элеонора РУЗВЕЛЬТ (Соединенные Штаты Америки) *говорит по-английски*: Я чрезвычайно сожалею, что нам приходится тратить ваше время на обсуждение вопроса, уже всесторонне обсужденного в нашем Комитете в течение двух недель.

Мы достигли частичного согласия, мы пришли к компромиссному решению, и я чрезвычайно сожалею, что должна возразить ораторам, выступавшим сегодня вечером. Я отдаю себе отчет в этом, что наши точки зрения различны, и я понимаю, в чем состоит разница в наших подходах к вопросу.

Я не помню случая, чтобы со времен гражданской войны человек, преследуемый на политической или религиозной почве, был выслан из моей страны. Единственный пример, который мне приходит на ум, это судьба одного из моих предков, не попавшего под амнистию потому, что, вернувшись домой, он построил судно и занялся контрабандной торговлей с южными штатами.

Европа пережила долгий ряд войн и испытала много перемен в составе населения, а равно и изменений в порядке владения землей. Вполне естественно поэтому, что мы подходим к этому вопросу с разных точек зрения. Но мы, члены Организации Объединенных Наций, стараемся создать нечто, основанное на более широких началах, условия, при которых на первом месте будут стоять права человека и все то, что собственно делает человека более свободным: не правительства, а человека.

Мне кажется, что мы должны вернуться назад к тому, что произошло в Комитете. По некоторым вопросам мы пришли к соглашению. После довольно продолжительного обсуждения пункт (C-II) был принят. Те из наших друзей, которые возражали против принятия доклада в целом и стояли за внесение этих поправок, пришлось уговаривать, прежде чем они согласились принять пункт (C-II), но в конечном итоге они согласились принять его, а также пункт (d). Мне кажется, что последний полностью охватывает их третий пункт, хотя в нем и не упомянуто, что квислинги, изменники и военные преступники, все еще скрывающиеся под видом беженцев, должны быть немедленно возвращены к себе на родину.

Никто из нас не возражает против того, что тот, кто принимал активное участие в действиях, направленных против его родины, должен быть возвращен и наказан. Здесь, однако, надо сделать одно различие. Были люди, которые сражались против врагов своей родины и теперь отказываются вернуться обратно, потому что

Digitized by UNOG Library

они расходятся во взглядах с существующим у них на родине строем. С этим по-моему мы должны считаться; поэтому, мне кажется, что эти слова не должны быть включены. Я считаю, что все, что мы должны сказать уже обусловлено пунктом (d) доклада, который гласит:

«Считает, что никакое действие, предпринятое в результате настоящей резолюции, не будет носить такого характера, чтобы в какой-либо мере препятствовать выдаче и наказанию военных преступников, квислингов и предателей, в соответствии с ныне действующими или будущими международными соглашениями и договорами».

Мне кажется, что этот пункт содержит в себе все, что необходимо для обеспечения возвращения людей, подлежащих возвращению.

Посмотрим на пункты, которые нам предложено добавить. Вот первый из них:

«В лагерях для беженцев и перемещенных лиц не допускать какой-либо пропаганды против интересов Организации Объединенных Наций или отдельных ее членов, а также пропаганды против возвращения на родину»[1].

Второй из них, который следует рассматривать совместно с первым, гласит:

«В состав обслуживающего персонала лагерей для беженцев и перемещенных лиц привлекать в первую очередь представителей заинтересованных государств, гражданами которых являются беженцы»[1].

Во время дискуссии в Комитете никогда не говорилось о том, что были обнаружены немцы, занимающие ответственные места в лагерях для беженцев и перемещенных лиц. Это новый для меня аргумент. Естественно, недопустимо, чтобы немцы занимали такое положение, но не трудно найти единичных немцев, находящихся в одном из лагерей. Ведь лагери эти являются пристанищем для людей многих национальностей. Если бы они были готовы вернуться к себе на родину, их бы не было там. Поэтому, мне кажется, справедливо предположить, что они не вполне сочувствуют правительствам, находящимся у власти в их странах.

Надо смотреть на вещи шире, чем позволяет точка зрения отдельных личностей в данный момент. Подойдем к этому вопросу с другой стороны. Что было бы, если бы мы сказали, что испанский республиканец, находящийся в лагере для беженцев, должен быть немедленно отправлен на родину или же помещен в лагерь, управляемый служащими, назначенными теперешним фашистским правительством? Ясно, что это нелепо, потому что это — фашистское правительство, и вы бы так не поступили.

Но есть проблемы гораздо более сложного характера. Как вам известно, я из Соединенных Штатов Америки. Я сошлюсь на пример, который я уже привела во время обсуждения в Комитете. Это чистая гипотеза. Среди наших владений имеется остров Порто-Рико в Карибском море. На этом острове живут люди различных группировок. Одна из них хочет, чтобы остров стал штатом; другая — ищет полной независимости; третья — хочет сохранить существующие отношения с Соединенными Штатами Америки. Предположим, что у нас лагерь для беженцев. Мы принадлежим к США. Можем ли мы позволить себе заявить, что те из обитателей Порто-Рико, которые хотят стать независимыми от США, не должны получать ни писем из дому, ни газет с родины, ни сообщений от людей, переехавших в другие края, ни информации из других источников? Я считаю, что им должна быть предоставлена полная свобода общаться с внешним миром и право самим решать свою судьбу. Они — свободные люди.

В течение последних дней мы показали, что мы не намерены допустить, чтобы лагери для беженцев были превращены в центры политической пропаганды. Мы воспрепятствуем этому, где бы это ни обнаружилось. Но сказать, что никакая пропаганда недопустима — это преувеличение.

Что такое пропаганда? Неужели мы, Объединенные Нации, настолько слабы, как Организация или как отдельное государство, чтобы запрещать людям говорить то, что они думают, и опасаться мнений их друзей и их собственных взглядов? Все, что мы желаем им сказать, мы можем сказать им сами, или их правительства им это скажут. Мы не запрещаем им слушать то, что им хотят сказать отдельные страны. В Соединенные Штаты Америки сошлись, например, люди со всех концов опустошенной войною Европы. Они разделяются на два лагеря. Разыскав своих родных в различных лагерях Европы, они напишут им, причем возможно, что в своих письмах они будут не всегда лестно или сочувственно отзываться об Объединенных Нациях. Иногда они даже могут высказываться против США. И все же я считаю, что это их право; женщины и мужчины в лагерях для беженцев вправе их услышать и придти к своим собственным выводам.

Я возражаю, против лозунга «никакой пропаганды против Объединенных Наций или любого из ее членов». Это равносильно тому, чтобы сказать, что вы заранее уверены в своей будущей правоте. Что касается меня, то я не всегда уверена в том, что мое правительство или мой народ окажутся правыми. Я надеюсь, что это так будет, и я со своей стороны буду способствовать этому по мере своих сил. так же, я уверена. как и всякая другая нация. Однако, найдутся люди которые будут думать иначе, и мне кажется, что мы должны поставить себе целью дойти до такой степени правоты, что большинство людей будет на нашей стороне; тогда нам будет неопасно иметь в своей среде людей инакомыслящих потому что в нас будет жить уверенность в том. что в наших руках право и свобода человеческая будут столь бережно охраняться, что большичство всегда будет на нашей стороне.

Вот почему я протестую против включения этих поправок в представленный нам доклад. Я считаю, что они ограничивают права человека и его свободу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Слово имеет представитель Соединенного Королевства г-н Макнил.

Г. МАКНИЛ (Соединенное Королевство) *говорит по-английски*: Мы также, к сожалению, не можем согласиться с тремя поправками, на которых настаивал г-н Вышинский. Я хочу заве-

[1] Стр. 219.

Digitized by UNOG Library

рить Ассамблею в том, что моя страна сделала все, что от нее можно было по справедливости ожидать, чтобы пойти навстречу тем возражениям, которые сегодня вечером были сделаны тремя ораторами[1].

Сначала перед нами были три различных документа: один обширный и основанный на высоких принципах, представленный нашим голландским коллегой; другой — от американской делегации, быть может несколько более осторожный; (следует отметить, что эти два документа были представлены двумя выдающимися женщинами-делегатами на этой Ассамблее, антифашистская идеология которых несомненна и бесспорна); третий документ, представляющий собой сжатую и осторожную недооценку этой сложной проблемы.

И голландцы, и мы попытались пойти навстречу возражениям наших советских коллег и сняли свое предложение. Мы надеялись, что может быть окажется возможным найти почву для соглашения в американском предложении. Это в свою очередь оказалось невозможным.

Пытаясь найти выход из создавшегося положения, председатель Третьего комитета г-н Фрейзер передал упомянутый мною третий документ на рассмотрение Подкомитета. Прения по этому вопросу привели к резолюции, которая, я считаю, является минимумом, совместимым с мандатом Третьего комитета, мандатом, которого должен придерживаться каждый делегат нашей Ассамблеи, ибо мандат этот — Устав Объединенных Наций.

Я прошу делегатов вновь бросить беглый взгляд на три поправки, внесенные нашими советскими, югославскими и польскими коллегами. Г-жа Рузвельт подвергла разбору первую из них с мастерством, которое я не берусь превзойти. Пропаганда — понятие чрезвычайно многогранное и трудно определяемое; так как наша делегация не только не знает, где здесь провести границу, но и кто должен ее установить, мы чрезвычайно неохотно вынуждены были отклонить поправку СССР. Наш Комитет приложил все усилия, чтобы разобраться в этом вопросе, и создать определенный аппарат для принятия необходимых мер. Как сказала г-жа Рузвельт, никакого определения по рассматриваемому нами вопросу не было предложено, и поэтому мы, как рабочий комитет, не можем высказаться ни в том, ни в ином смысле.

Мы вынуждены также отвергнуть два других предложения на этом основании, что по западноевропейским, а в частности и англо-саксонским, понятиям, мы всегда принимали за аксиому, что нельзя быть одновременно и обвинителем, и судьей одного и того же лица или по одному и тому же преступлению. Какая цель кроется за предложением, что начальник должен быть той же национальности, что и перемещенное лицо? Я хотел бы ошибиться, но я вижу серьезную опасность в том, что вы слишком полагаетесь на добросовестность надзирателя, а также ожидаете от перемещенного лица мужества, решимости и стойкости, которые мужчины и женщины после трех, четырех или пяти лет скитаний по Европе вряд ли будут в состоянии проявить.

[1] А. Я. Вышинский, А. Беблер, Ю. Виневич.

Нам также трудно согласиться со следующей фразой: «Квислинги, предатели и военные преступники, которые все еще скрываются под видом беженцев, должны быть немедленно возвращены в их страны»[2]. Кто должен это сделать? Кто будет решать? Ни одна из делегаций на этой Ассамблее ни разу не возразила против применения уже существующего аппарата для выдачи этих извергов, если против них имелись обоснованные обвинения. Возвращаясь к словам г-жи Рузвельт, резолюция, представленная Ассамблее, это предусматривает[3].

Г-н Вышинский, весьма сдержанно и искусно, как мы от него и ожидали, указал на налет, совершенный Третьей американской армией[4], и, если я его правильно понял, доказывал, что такого рода самовольное поведение должно быть взято под контроль. Мне кажется, что, наоборот, налет Третьей американской армии доказывает три вещи: во-первых, что нас нельзя заподозрить в укрывательстве квислингов, предателей и военных преступников; во-вторых, что мы продолжаем уничтожать подобные гнезда, где бы они ни образовывались; и в-третьих, — и это относится к резолюции, — налет этот доказывает, что Ассамблея должна предложить Экономическому и Социальному Совету принять решительные меры в деле расследования, классификации, определения и поддержки подлинных беженцев. Последнее необходимо, потому что до тех пор пока нет классификации, пока нет установления личности, пока отсутствует надлежащий орган ведающий этими несчастными, преступные элементы будут укрываться именно среди этой беспорядочной толпы. Любой мальчик, читавший Шерлок Холмса знает, что, если хочешь избежать уголовного розыска, надо итти в толпу на площадь Пиккадили.

Как я уже сказал, эта резолюция была минимумом того, что наш Комитет мог предложить Ассамблее, не выходя из рамок данного ему мандата. В чем заключается наш мандат? Он определен, и не раз, в Уставе Объединенных Наций. Благодаря таким словам как: «проявлять терпимость», «вновь утвердить веру в основные права человека», «в достоинство и ценность человеческой личности», «в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций», — Устав перестает быть сухим юридическим документом. Эти слова-светочи Ассамблеи и в них мандат, от которого наш Комитет не мог отойти.

Принимая все должные меры, чтобы привести в действие аппарат правосудия и, поскольку это в наших силах, предотвратить возможность виновным укрыться от него, мы тем не менее должны были подтвердить, что нашей первой обязанностью является не мщение, а помощь; моя страна, во всяком случае, никогда не упустит этого из виду; мы просто не могли бы этого сделать. Терпимость, право убежища — это одни из самых ценных слов нашей речи. Когда из нее исчезнут такие слова, как терпимость, сострадание и убежище, тогда язык наш перестанет быть английским языком.

[2] Стр. 219.
[3] Стр. 222.
[4] Стр. 219.

Digitized by UNOG Library

Г-жа Рузвельт выразила в Комитете очень интересную мысль, вызвавшую у меня желание повторить то, что было уже сказано там мною и другими ораторами. Мы гордимся многими из беженцев, которых мы приютили у себя, и никем я так не горжусь, как человеком, чье имя было Карл Маркс. Он пришел к нам, плодотворно работал в наших библиотеках и создал научную теорию, целью которой было уничтожение устоев общества, давшего ему приют, который он должным образом и справедливо принял. Я молю бога, чтобы мы не отошли от этих традиций, и я пришел к заключению, что если Ассамблея утратит такой подход, оттенок и уровень в своих суждениях и решениях, она не оправдает Устава, на котором мы основывали всю нашу деятельность.

Я начал с выражения сожаления по поводу того, что мы не можем согласиться с поправками. Это, конечно, не верно. Я сожалею, что мне приходится возражать против коллег, которые столь искренно и с таким усердием работали в Комитете, но я не сожалею, что нам приходится возражать против их поправки и противиться ее проведению. Мы гордимся этим.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Слово имеет представитель Чехословакии г-н Белехрадек.

Ян БЕЛЕХРАДЕК (Чехословакия) *говорит по-английски*: По-моему нет такой большой и существенной разницы во взглядах, какую некоторые из ораторов, новидимому, усматривают. Мне кажется, нам особенно необходимо иметь в виду тот факт, что никто из ораторов не предложил выслать беженцев в страны, где они родились, наперекор их политическим взглядам и желаниям. Насколько я понимаю, рекомендации, имеющей целью заставить беженцев вернуться домой, сделано не было, за исключением некоторых военных преступников и квислингов, в отношении которых, как мы все согласились, правила, предложенные в докладе, не применяются.

Эта проблема, конечно, Чехословакии мало касается, потому что почти все наши беженцы уже вернулись домой. К тому же Чехословакия славилась на протяжении веков как убежище для политических беженцев. Разрешите мне напомнить вам, что Томасу Манну перед его отъездом в Америку было дано чехословацкое гражданство.

Я считаю, что мы в Европе имеем право подходить по-своему к этим проблемам. Мы прошли через гораздо большие страдания, чем многие находящиеся здесь делегаты могут себе представить. Среди нас имеются делегаты, прошедшие через концлагеря, и если они кажутся менее гуманными, то это лишь потому, что они настороже, опасаясь малейшей возможности возвращения строя, даже отдаленно напоминающего фашизм или нацизм. Подымая голос против оставшихся представителей темных сил, под всевозможными предлогами — даже прикрываясь личиной беженцев — все еще пытающихся подорвать основные цели, к которым стремятся Объединенные Нации, эти представители глубоко принимают к сердцу будущее нашей Организации.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Слово имеет представитель Дании г-н Расмуссен.

Густав РАСМУССЕН (Дания) *говорит по-английски*: Что касается трех предложений, внесенных советской делегацией, я хотел бы отметить, что в отношении первого из них — о пропаганде — я не вижу затруднений в принятии его, и моя делегация будет голосовать за него. Я перехожу ко второму предложению, гласящему:

«В состав обслуживающего персонала лагерей для беженцев и перемещенных лиц, привлекать в первую очередь представителей заинтересованных государств, гражданами которых являются беженцы»[1].

Я не мог бы голосовать за принятие этого пункта в его настоящем виде, но я имею основание думать, что английский текст не вполне точно передает мысль, которую имел в виду представитель СССР. Поэтому я попросил бы г-на Вышинского согласиться на небольшое редакционное изменение, чтобы пункт этот гласил:

«В состав обслуживающего персонала лагерей для беженцев и перемещенных лиц привлекать в первую очередь лиц той же национальности, что и беженцы». Иначе говоря, мы должны выпустить слова «представителей заинтересованных государств, гражданами которых являются беженцы». Если представитель СССР может согласиться на такого рода изменение (или, в сущности говоря, только разъяснение) я, со своей стороны, готов принять этот пункт.

Что касается третьего предложения, внесенного представителем СССР, касающегося квислингов и предателей, я хотел бы заметить, что, по-моему, трудность этого предложения кроется в тех двух строках, которые следуют за словами «военные преступники»[1]. Из английского текста не вполне ясно, как далеко идет это предложение, вследствие объяснений, добавляемых к слову «сотрудничество». Этот пункт стал бы гораздо яснее, если из него выпустить полностью эти две строки, чтобы он гласил: «Квислинги, предатели и военные преступники не должны рассматриваться как беженцы, которые могут пользоваться . . .» и т. д.

Если выпустить эти две строки, то останется еще один основной вопрос, а именно: Кому решать, является ли беженец квислингом, предателем или военным преступником? В тексте это не указано, но, как я понимаю, все это предложение, — и в частности пояснение, данное председателем Комитета, занимавшегося этим вопросом, — будет передано на рассмотрение Экономического и Социального Совета, который явится той инстанцией, которая будет решать, может-ли беженец или перемещенное лицо представить веские возражения против своей репатриации.

В заключение я хотел бы спросить представителя Союза Советских Социалистических Республик, может ли он принять эти две внесенные мною поправки к второму и третьему пунктам его предложения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Больше никто не просил слова. Слово имеет

[1] Стр. 219.

Digitized by UNOG Library

представитель Союза Советских Социалистических Республик г-н Вышинский.

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Я сожалею, что я должен вторично выступить и, в частности, выступить против наших друзей — представителей Соединенных Штатов Америки и Великобритании. Г-жа Рузвельт, выступая здесь с возражениями против поправок, которые я представил от имени советской делегации, поставила большой важности и очень серьезный, принципиальный вопрос. Я считаю необходимым, поскольку этот вопрос поставлен, изложить и свою точку зрения по этому поводу.

Какой тезис защищала здесь г-жа Рузвельт? Она защищала тезис неограниченной свободы, повторяю — неограниченной свободы. Я считаю этот тезис неправильным. Я считаю этот тезис неправильным раньше всего потому, что неограниченной свободы не существует ни в одной стране. Я считаю этот тезис неправильным потому, что существует и необходимы во всяком обществе, в известных пределах, ограничения воли людей, ограничения действий людей, и больше того — не только необходимы ограничения воли и действий отдельных людей, но и целых народов и целых государств. Поэтому говорить о том, что свобода должна быть неограниченной и ни в чем, и никогда, и ни при каких условиях нельзя ставить ограничений этой человеческой свободе, — это абстрактный тезис, это тезис, не соответствующий условиям жизни, не соответствующий интересам этой жизни, которая таких неограниченных возможностей никогда не знала и в настоящее время, при данных реальных исторических условиях, знать не может.

Нельзя не ограничить действия людей, и этому делу служат законы. Этому делу ограничения воли отдельных людей служат в первую очередь уголовные законы, которые не разрешают каждому действовать, как ему угодно и совершать все то, что ему угодно, хотя бы это противоречило установленным законам. Закон требует, чтобы человек ограничивал свою волю совершением того, что допустимо по закону, что дозволено по закону, и, наоборот, запрещает этому человеку свою волю употреблять так, чтобы она направлялась против закона.

Если стать на иную точку зрения, то нужно было бы тогда провозгласить свободу всех преступлений. Никто не смеет мне мешать делать так, как я хочу. Моя воля неограничена! Поэтому, я хочу грабить, я граблю; если я хочу злоупотреблять доверием, я злоупотребляю доверием — моя воля неограничена. Но это называется преступлением.

Таким образом, воля человека должна быть в обществе ограничена, и она ограничивается волей других людей; она ограничивается общественными интересами, и не только так бывает в обществе людей с отдельными лицами, так бывает и в обществе государств и народов с отдельными государствами. Не всякое государство может делать все что оно хочет. Демократические принципы ставят вне закона те государства, которые пытаются вести агрессивную политику. Их воля вести агрессивную политику, они хотят вести агрессивную политику, — но тут встает демократия, она останавливает такие государства и поворачивает их с этого пути агрессии на другие пути или уничтожает их. Так случилось с гитлеровским государством.

Демократия, сама по себе, является ограничением тирании, и не может быть такой демократии, которая разрешала бы то, что хотела себе позволять и позволяла исторически тирания. Демократия есть ограничение тирании. Это закон, и тот, кто этого не видит, совершает большую политическую ошибку.

Такова принципиальная постановка вопроса, такая постановка, которая отрицает неограниченную свободу и отдельных людей и отдельных государств. Интересы общества или союза или такой организации, какой являются Объединенные Нации, заключает в себе, как закон, как непреодолимое требование жизни, ограничение свободы действий и свободы воли тех, кого это касается. Иначе не может быть ни общества, ни союза обществ, ни союза государств. Принцип неограниченной свободы воли человека не может существовать и исторически никогда не существовал. Так стоит принципиальный вопрос. Но надлежит ли поднимать этот вопрос на такую принципиальную высоту, на которую здесь этот вопрос пытались поднять? Я думаю, что нет, ибо в действительности дело обстоит гораздо проще.

Я постараюсь дальше в двух словах сказать, как я понимаю это дело. В самом деле речь идет не вообще о том, чтобы лишить кого-нибудь свободы пропаганды, дело идет вовсе не о том, чтобы вообще ограничить свободу слова или печати, или пропаганды, дело идет о другом, — о том, чтобы эта пропаганда не была направлена на такие дела, которые вырастают в преступление против Объединенных Наций, которые вырастают в преступление против той или другой отдельной страны, как члена Объединенных Наций. Об этом идет дело, об этом идет речь, и это совершенно правильно, потому что нельзя решать вопрос абстрактно, как здесь пытались его решать г-жа Рузвельт и г-н Макнил. Они пытались решать вопрос этот абстрактно, отрешившись от того, что есть в действительности, а в действительности есть вот что — существуют лагеря в которых собрали тысячи, а иногда десятки тысяч людей, и среди этих людей ведется изо дня в день обработка умов и человеческих душ, ведется систематическая обработка для того, чтобы восстановить этих людей против их страны, против их родины. Обрабатывают югославских беженцев для того, чтобы восстановить их против Тито и Югославской Республики; обрабатывают польских беженцев и эмигрантов для того, чтобы восстановить их против нынешнего польского правительства, признанного тремя великими державами и их друзьями. Идет речь о том, чтобы не допускать такой злостной и преступной пропаганды. Это ничто иное, как совершение преступления, ибо это есть подстрекательство к преступлению.

Тут говорили о судьях и обвинителях. Я тоже хочу об этом сказать. Есть законы, в которых предусматривается, как наказуемое преступление, подстрекательство к совершению преступлений. Мы говорим не о том, что надо запретить

Digitized by UNOG Library

какому-нибудь проповеднику явиться в лагерь и произносить свои проповеди, а о той систематической работе, которая ведется в этих лагерях для того, чтобы отравить души и умы этих несчастных людей, для того, чтобы им помешать в их естественном стремлении и законном желании вернуться к себе на родину. Мы знаем, что среди этих тысяч людей имеются сотни, а среди десятков тысяч — тысячи обманутых людей, запуганных людей, терроризированных людей — терроризованных вот этими бандами фашистов, которые умело используют демократические принципы и прикрываются этими принципами.

Да разве Гитлер, строя свое фашистское, кровавое, разбойничье гнездо, разве он не называл свое государство национально-социалистическим государством, разве он не пытался обмануть и разве ему не удалось обмануть миллионы и далеко не глупых людей этими словами «национально-социалистическое государство»? Да разве там было что-нибудь от германского народа в этом государстве? Разве там было что-нибудь от социализма в его настоящем и глубоком смысле слова? Это было издевательством над социализмом! Я думаю, в этом мы не разойдемся в этом почтенном собрании. Это было надругательство над интересами народов, и в этом мы, я думаю, не разойдемся на данном собрании. Однако, это не мешало и Гитлеру, и Герингу, и Гессу, и Риббентропу, и всей его агентуре, от больших до малых разбойников, использовать умело, систематически, день за днем и час за часом эти наши лозунги, лозунги социализма, лозунги нации и свободы, конечно, — той самой свободы, которая, якобы, не должна быть никогда ограничена.

Здесь г-н Макнил сказал[1], что самые ценные слова в нашем лексиконе — терпимость, право и сострадание — могут исчезнуть, если итти по тому пути, который, очевидно, открывает наша скромная поправка. Я бы спросил г-на Макнила, не следовало ли бы сказать, что у нас слишком много было терпимости в прошлом и что за эту терпимость мы слишком дорого заплатили. И британский народ, и другие народы, а особенно советский народ слишком дорого заплатил за эту терпимость, которой сейчас хотят прикрыть фашистскую пропаганду, право фашистской пропаганды. Мы такой терпимости не хотим. Мы такой терпимости опасаемся. Мы от такой терпимости отказываемся. Она нам очень дорого стоит — крови и жизни. У нас 1700 разрушенных городов; у нас десятки тысяч разрушенных и испепеленных деревень; у нас миллионы погибших людей; у нас целые районы нашей страны — пустыня, после того как прошли гитлеровские полчища туда и назад, и счастье, что им пришлось итти назад. Мы не хотим больше проявлять такую терпимость, которая выращивает гитлеризм, как эта терпимость уже раз вырастила его, и это ясно записано в истории Европы под именем Мюнхен!

Здесь г-н Макнил говорил, что непонятно даже, что такое эта пропаганда. Я думаю, очень хорошо понятно, что такое эта пропаганда. Но для того, чтобы было более понятно, мы готовы сказать, что не должна допускаться вражеская пропаганда. Может быть, это будет более понятно. Это нас устроит. Здесь говорилось также о том, что не нравится подозрение, будто кто-то скрывает квислингов[2]. Зачем говорить о подозрении? Нельзя же все время всякий принципиальный или всякий практический вопрос подавать в свете подозрений. Это напоминает одну историю (я не знаю, насколько она достоверна) из времен Венского конгресса. Говорят, что когда сообщили о смерти Талейрана, то дипломат, услышавший об этом, спросил: «А какие у Талейрана были действительно намерения?» Вот к чему приводят эти постоянные разговоры о подозрениях, постоянная атмосфера, которая создается тогда, когда всегда видят здесь подозрения. Этот вопрос о подозрении я бы предпочел вернуть тому, кто этот вопрос здесь затронул.

Наконец, последний вопрос. Здесь г-жа Рузвельт спросила[3], не повернут ли дело так, чтобы выдать испанских республиканцев Франко, в соответствии якобы с той постановкой вопроса, которая дается советской делегацией. Это какое-то недоразумение. Так вопроса никто не ставит и, конечно, так ставить его нельзя. Во-первых, сама резолюция Третьего комитета защищает против подобного рода предложения, защищает тем, что в пункте (С-II) прямо говорится о том, при каких условиях можно и при каких условиях нельзя требовать выдачи беженцев, если нет специальных соглашений между государствами. А, во-вторых, разве можно ставить вопрос о том, чтобы выдать республиканцев Франко? Ну, если так понимать свободу, то, действительно, можно дойти до того, что называется геркулесовыми столбами. Но такое путешествие мы никому не рекомендуем. Итак, мы вновь ставим перед Генеральной Ассамблеей вопрос о том, чтобы в лагерях для беженцев не допускалась враждебная пропаганда, имеющая своей целью не допустить возвращение этих беженцев на родину. Мы считаем это справедливым, законным и вполне демократическим требованием.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Слово имеет представитель Новой Зеландии г-н Фрейзер.

Питер ФРЕЙЗЕР (Новая Зеландия) *говорит по-английски*: Я глубоко сожалею о возникшем расхождении во мнениях и о неясности некоторых вопросов, подлежащих рассмотрению, ибо они представляют собой большое затруднение. Комитет в полном составе обсуждал вопрос четыре дня — три дня до начала работы Подкомитета и один день после представления им доклада, после чего доклад был принят. Насколько я помню, у нас было три заседания Подкомитета.

Представители Союза Советских Социалистических Республик и Югославии поддерживали в Подкомитете предложенные поправки. В самом Комитете подавляющее большинство поддерживало доклад в его теперешнем виде, и ни одно слово, сказанное сегодня, — помимо диалектических рассуждений на тему о полной свободе, не отличалось от того, что уже было сказано в Комитете.

---

[1] Стр. 223.

[2] Стр. 223.

[3] Стр. 222.

Digitized by UNOG Library

Я не буду пускаться в пространные рассуждения о том, что такое полная свобода, потому что абсолютной свободы не существует; в этом мы все согласны с г-ном Вышинским. Это является лишь отголоском прошлого, когда анархизм или философский анархизм противопоставлялись демократическому строю, и на нашем собственном веку нам довелось убедиться в том, что идеалы, если их можно назвать идеалами, людей, как Крапоткин и Бакунин, безнадежно устарели и не могут рассматриваться даже как возможные или практические в мире, каким он нам представляется на многие столетия вперед. Поэтому все мы отдаем себе отчет в том, что об абсолютной свободе не стоит даже говорить, ибо свобода совершать преступления, свобода несоблюдения гигиены, свобода совершать тысячу и один поступок, которые нарушат свободу ваших соседей — недопустимы в демократическом государстве. Совершенно иное и нечто очень ценное, это предоставить каждому гражданину максимальную свободу, совместимую со свободой всех остальных граждан. Это — драгоценный дар. Один из великих философов Соединенных Штатов Америки, родины г-жи Рузвельт, Ральф Уальдо Эмерсон, сказал:

«Какая польза
От плуга или паруса,
От земли или жизни,
Коль свобода утеряна?»

Свобода — это реальность, свободу надо охранять; в переживаемое нами тревожное время недостаточно учредить международную Организацию, которая будет охранять нас от опасности злоумышленной пропаганды, ведущей к заговорам против одной из наших наций. Мы всеми силами должны остерегаться того, чтобы в нашем стремлении сохранить структуру наших стран, — а это стремление мы все разделяем, — мы не создали бы жупела, не приумножили бы страха и не стали бы бояться страха. Самыми ценными словами, с которыми Рузвельт обратился к миру, охваченному унынием и отчаянием, был его призыв не бояться страха.

Мы сейчас находимся в опасности боязни страха, что может повести к тому, что мы создадим систему, которая явится тиранией для народных масс. Мы должны остерегаться этого. В самом деле, что означает экономическая свобода? Что означают идеалы, к которым стремятся все народы, как не то, что путем улучшения экономических и социальных условий создается положение, при котором возможны большая свобода слова и мысли, иначе говоря так называемые четыре свободы: свобода слова во всех ее проявлениях, свобода религии, свобода от страха, свобода от нужды. Воздвигая преграду темным силам страха и угроз, мы должны следить за тем, чтобы не утерять сущность свободы, ради которой сражался мир и миллионы людей отдали свою жизнь.

Каково, в самом деле, действительное положение вещей? В докладе сказано, что это вопрос международного характера. Доклад рекомендует — и к этому, я надеюсь, присоединится Ассамблея — учреждение особого комитета при Экономическом и Социальном Совете, который бы исключительно, полностью, эффективно и успешно занимался этой проблемой. Мы не можем изложить все те инструкции, которые могут понадобиться этому международному органу или Экономическому и Социальному Совету, ибо в конечном счете Ассамблея явится той авторитетной инстанцией, которая сможет решить правильны, справедливы и достаточно ли выработанные планы, принятые правила и мероприятия — и я подчеркиваю, что они должны не только быть правильны и справедливы, но и отвечать требованиям обстановки. В данный момент для Ассамблеи — такого было мнение Комитета — нет надобности дать подробные инструкции о том, что должно быть сделано. Этим займется сам Комитет; этот международный орган будет уполномочен разрешать все проблемы в любом месте, стране, лагере и в любое время. Однако опасность состоит в том, что, приняв это предложение, мы окажемся на похоронах свободы вместо того, чтобы присутствовать при зарождении Объединенных Наций. В этом мы должны соблюдать самую крайнюю осторожность.

Что касается первой поправки[1], то она действительно ставит себе целью справиться с задачей, которую нельзя разрешить эффективно иначе, как в каждом данном месте на основании создавшегося положения, в момент опасности.

Все согласятся, что Третья американская армия поступила правильно, хорошо и справедливо, когда она на-днях ликвидировала в Югославии заговор, направленный против Польши. В этом не может быть никакого сомнения. Это показывает, — и я полностью с этим согласен, — что, поскольку мы сплочены в Организации Объединенных Наций, нам следует проявлять осторожность. Некоторые страны, в том числе члены Объединенных Наций, обвинялись в фашизме. Жители их бежали в другие страны и сейчас ведут пропаганду против того, что они считают деспотическим режимом. Возможно, что они на самом деле беженцы. Скажем ли мы им: «Вас необходимо лишить основной свободы выражать мнение о правительстве вашей бывшей родины»? Не для этого боролись Объединенные Нации. Я не могу допустить такой мысли. Я считаю, что мы боролись за свободу, за максимум свободы при всех обстоятельствах.

В каких случаях пропаганда и дискуссия становятся опасностью и угрозой народам? Я приведу один пример, чтобы иллюстрировать сложность этой проблемы. Я видел, на склонах Кассино, вскоре после занятия Кассино, где сотни и сотни наших бойцов пали жертвой, трупы героических польских солдат, столь же храбрых, как сыны моей родины, как солдаты Англии, Америки, России, Китая, любой другой страны. Они сделали все, что могли, они отдали свою жизнь за свободу. Их товарищи все еще находятся в Италии. Нет сомнения в том, что их применению как военной силы должен быть положен конец. Они не могут продолжать жить в тех условиях. Они не должны быть под командой офицеров, которые быть может, постоянно враждебны Польше. Такое положение вещей не может продолжаться, и, насколько мне известно, союз-

[1] Стр. 219.

Digitized by UNOG Library

ники несомненно уже обратили внимание на эту проблему. Когда демобилизуют этих людей, которые сражались за нашу свободу, и они будут переведены в лагерь, скажем ли мы им, что их взгляды, свобода мнения, свобода мышления, отняты у них и запрещены? Это неслыхано и недопустимо. Мы здесь не видели проблемы. Мы выработали принципы, основанные на широких началах. Мы должны провести их в жизнь, но если при этом окажется, что какой-нибудь из лагерей для беженцев является гнездом интриг, гнездом заговора против другой страны, то прямым долгом этого международного органа будет положить конец таким интригам, но не на том основании, что эти люди выразили мнение, что правительство их страны — плохое правительство.

Я должен признать, что у нас, в Новой Зеландии, не мало людей, считающих, что наше правительство — плохое правительство. Я знаю, что они не должны были бы этого делать; я знаю, что они не должны были бы быть в оппозиции; я знаю, что они должны были бы соглашаться со всем, что мы говорим, и на выборах дать нам сто процентов голосов, но новозеландцы этого не хотят. У них вошло в привычку думать самостоятельно и голосовать по собственному усмотрению — против нас, так же как и за нас. Это наше право, которое мы унаследовали при рождении и на котором мы воспитаны. Мы ни в коем случае не можем согласиться, чтобы оно было отмененно из-за того, что мы решили протянуть корку хлеба несчастным людям, лишившимся своей родины.

Какова была бы история мира, если бы не было в мире терпимости? Кризис, переживаемый нами, не явился следствием терпимости, не она, а нетерпимость, деспотизм, возвеличение государства и одного человека, олицетворяющего его — вот, что привело нас к войне. Доктрина Муссолини сводилась к тому, что он собирался стать во главе погребения праха свободы; однако, его собственный прах был погребен, только позднее чем следовало. Таковы мои чувства по отношению к нему. Я не могу сказать ни одного слова в пользу этих преступников, ввергших мир в войну, совершивших столь ужасные деяния, преисполненных идеей обожествления государства в противопоставление человеку, права которого они попрали. Я бы даже не стал судить некоторых из тех преступников, которые сейчас перед судом в Нюрнберге. Всем известна их вина. Они — преступники по собственному признанию, и от них давно следовало избавиться. Таково мое личное мнение; впрочем это не важно.

Что меня больше всего беспокоит, это вопрос о том, как бы не задушить свободу мысли даже в обездоленных, даже в людях, покинувших свою страну и посмевших мысленно восстать против правительства этой страны, посмевших заявить, что это правительство негодно и должно быть смещено, посмевших, наконец, выразить уверенность в том, что они могли бы иметь лучшее правительство. Ведь это было исконным правом беженцев, на протяжении веков, таких людей, как Гарибальди и Мадзини, беженцев из Испании, Германии, и Франции, в то время когда в этих странах господствовала автократия. Ни одна страна, познавшая величие свободы, не может принимать участие в каком-либо посягательстве на права человека, являющиеся существенной частью его чувства собственного достоинства; никто не может запретить ему в полной мере пользоваться четырьмя свободами.

Никто не может разграничить в резолюции общего характера, когда пропаганда является политической полемикой — допустимой и справедливой, когда она является попыткой убедить людей в том, что они не правы и должны согласиться с политикой и принципами тех, кто за них стоит, и когда она превращается в активный, злобный и злонамеренный заговор против их страны происхождения. Это недопустимо; этого не мог сделать Комитет, этого не мог сделать Подкомитет; это не может быть сделано в Ассамблее. Это может быть сделано в данный момент лишь теми, кто управляет военными силами Объединенных Наций, а затем теми, кто будет руководить администрацией международной организации, которая будет учреждена.

Все, что я сказал до сих пор, относилось к первой поправке. Переходя ко второй поправке[1], я хочу отдать должное красноречию и диалектическому искусству г-на Вышинского. Я с большим интересом и удовольствием выслушал его замечания. Но смысл этой поправки ужаснул меня.

Мысль о том, что беженцы, находящиеся в оппозиции к существующему в их стране строю, должны находиться в подчинении у тех, против кого они настроены, — не выдерживает ни малейшей критики. Никто, кто верит в свободу, не может с этим согласиться. Я согласен с тем, что правительству родины беженцев должно быть предоставлено право доступа в лагеря, чтобы его представители могли сказать находящимся там людям, что они не правы, что они будут в безопасности, вернувшись на родину, будут преуспевать и будут счастливы. Это должно быть сделано. Без сомнения, сейчас ведется пропаганда против возвращения беженцев на родину; возможно, что такая пропаганда глубоко ошибочна; несомненно также, что правильный путь рассеять эту пропаганду — это дать факты. Забота о беженцах должна состоять в том, чтобы обеспечить им наилучшие условия жизни и по возможности недолго содержать их в лагерях. Тут я должен согласиться с г-ном Вышинским, что людям, не желающим вернуться к себе на родину, лучше оставаться за ее пределами, и конечно я согласен, что, если мы, Объединенные Нации, возьмем на себя ответственность за судьбу беженцев, мы не должны финансировать пропаганду или заговоры против их родины. Но когда дело доходит до того, чтобы подчинить их противникам и отдать их на произвол этих последних — этого Объединенные Нации допустить не могут.

Что касается третьей поправки[1], я считаю, что в ней нет надобности, ибо было уже ясно указано, что с квислингами, военными преступниками и коллаборационистами считаться не приходится. Относительно этих предателей, Объединенные Нации пришли к соглашению, что если их обнаружат, они должны быть выданы стране, которую они предали. Этот метод уже

[1] Стр. 219.

Digitized by UNOG Library

применяется Объединенными Нациями, а потому не стоит больше о нем распространяться. К тому же из доклада явствует, что им не будет дано право отказаться от репатриации, они будут высланы безоговорочно. Я знал людей, которые считают, что все те, кто не соглашается с ними — квислинги. Мы должны следить за тем, чтобы пределы свободы не оказались слишком ограниченными.

Комитет очень тщательно обсудил этот вопрос. Он хотел, если бы он мог найти подходящие слова, включить в свою резолюцию, что заговоры не должны быть никоим образом терпимы или поощряемы. Трудно найти подходящие слова, но мы должны стараться дать общие указания и доверить будущему международному органу успешное выполнение этой задачи. Я верю в то, что он ее выполнит, и не только будет охранять интересы Объединенных Наций, но и поставит себе целью защиту прав и достоинства человека, а в частности беженца, чтобы не были попраны те четыре свободы, за которые мы сражались.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Общие прения закрыты. Прежде чем перейти к голосованию, я бы хотел спросить советскую делегацию, не считает ли она возможным, после этих продолжительных прений, взять назад свои поправки.

Предлагаемая Комитетом резолюция в пункте первом говорит, что вопрос этот передается в Экономический и Социальный Совет для того, чтобы тот рассмотрел его по существу со всех сторон. Мне кажется, что различные точки зрения, высказанные сегодня вечером, должны были бы быть представлены именно этому органу. Хотя я и не могу принять участие в настоящей дискуссии, я должен указать, что было бы предпочтительнее, чтобы этот вопрос попытался разрешить технический комитет, который специально им займется. Как бы ни были интересны прения, у меня такое чувство, что многие недоразумения между представленными здесь точками зрения могли бы быть и должны были бы быть разъяснены.

Я хотел бы спросить советскую делегацию, не сочтет ли она благоразумным отложить свои поправки до обсуждения вопроса в Экономическом и Социальном Совете. Если она настаивает на своем предложении, я приступлю к голосованию.

Слово имеет представитель Союза Советских Социалистических Республик г-н Вышинский.

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Советская делегация не видит оснований для подобного вопроса. Мы совершенно точно изложили наши поправки и дважды выступали по этому поводу. Поэтому на ваш вопрос, господин Председатель, я отвечаю — нет.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Предметом голосования является резолюция, предложенная Комитетом. Но сначала надо поставить на голосование поправки и даже поправки к поправкам. Я предлагаю проголосовать отдельно три поправки делегации СССР.

Слово имеет представитель Югославии г-н Беблер.

А. БЕВЛЕР (Югославия) *говорит по-французски*: Я прошу для поправок поименного голосования по каждому пункту.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: К первой поправке не имеется поправки датской делегации. Ставлю поэтому на голосование следующий текст, который должен быть помещен после пункта (с) резолюции Комитета:

«В лагерях для беженцев и перемещенных лиц не допускать какой-либо пропаганды против интересов Организации Объединенных Наций или отдельных ее членов, а также пропаганды против возвращения на родину»[1].

Те, кто за это добавление, будут голосовать «да». Те, кто против добавления, будут голосовать «нет». Так как потребовано поименное голосование, приступаем к нему.

Производится поименное голосование.

Голосовали за:

Белорусская Советская Социалистическая Республика, Чехословакия, Дания, Эфиопия, Франция, Норвегия, Польша, Украинская Советская Социалистическая Республика, Союз Советских Социалистических Республик и Югославия.

Голосовали против:

Аргентина, Австралия, Бельгия, Боливия, Бразилия, Канада, Чили, Колумбия, Костарика, Куба, Доминиканская Республика, Эквадор, Сальвадор, Греция, Гондурас, Индия, Ирак, Либерия, Нидерланды, Новая Зеландия, Парагвай, Перу, Филиппины, Саудовская Аравия, Сирия, Турция, Южноафриканский Союз, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Уругвай и Венесуэла.

Воздержались:

Китай и Иран.

Отсутствовали:

Египет, Гватемала, Гаити, Ливан, Люксембург, Мексика, Никарагуа и Панама.

Результаты голосования следующие: 31 представитель ответили нет, 10 ответили да, двое воздержались. Восемь делегатов отсутствовали.

Решение: *Поправка отклоняется.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Ко второй поправке, внесенной делегацией СССР, имеется поправка, внесенная датской делегацией. Датская делегация настаивает на своей поправке?

Густав РАСМУССЕН (Дания) *говорит по-английски*: Да.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Сначала надо голосовать поправку датской делегации. Она заключается в том, чтобы заменить слова, «представителей заинтересованных государств, гражданами которых являются беженцы», словами: «лиц той же национальности, что и беженцы»[2]. Ставлю поправку на голосование.

Решение: *Поправка ставится на голосование и отклоняется.*

[1] Стр. 219.
[2] Стр. 224.

Digitized by UNOG Library

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Ставлю на голосование поправку делегации СССР в ее первоначальном виде.

Слово имеет представитель Югославии г-н Беблер.

А. БЕБЛЕР (Югославия) *говорит по-французски*: Прошу поименного голосования по всем трем поправкам.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Так как потребовано поименное голосование, приступаем к нему.

Производится поименное голосование.

Голосовали за:

Белорусская Советская Социалистическая Республика, Чехословакия, Ирак, Польша, Украинская Советская Социалистическая Республика, Союз Советских Социалистических Республик и Югославия.

Голосовали против:

Аргентина, Австралия, Бельгия, Боливия, Бразилия, Канада, Чили, Колумбия, Костарика, Дания, Доминиканская Республика, Эквадор, Сальвадор, Франция, Греция, Гондурас, Индия, Либерия, Новая Зеландия, Норвегия, Парагвай, Нидерланды, Перу, Филиппины, Южноафриканский Союз, Турция, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Уругвай и Венесуэла.

Воздержались:

Китай, Эфиопия, Саудовская Аравия, Сирия и Иран.

Отсутствовали:

Куба, Египет, Гватемала, Гаити, Ливан, Люксембург, Мексика, Никарагуа и Панама.

Результаты голосования следующие: 30 представителей ответили нет, 7 ответили да, 5 воздержались. Девять представителей отсутствовали.

Решение: *Поправка отклоняется.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: К третьей поправке СССР имеется поправка датской делегации, которая состоит в том, чтобы вычеркнуть слова «. . . а также лица, запятнавшие себя сотрудничеством в какой-либо форме с врагами Объединенных Наций . . .»

Слово имеет представитель Украинской Советской Социалистической Республики г-н Бажан.

Н. П. БАЖАН (Украинская Советская Социалистическая Республика): Предлагаю видоизменить поправку, исключив из нее слова «. . . а также лица, запятнавшие себя сотрудничеством в какой-либо форме с врагами Объединенных Наций . . .»

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Слово имеет представитель Союза Советских Социалистических Республик г-н Вышинский.

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Соглашаюсь с этим предложением. Я согласен на исключение только что прочтенной фразы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Наиболее далеко идущая поправка к поправке это — поправка датской делегации. Поэтому она должна быть поставлена на голосование первой.

Слово имеет представитель Дании г-н Расмуссен.

Густав РАСМУССЕН (Дания) *говорит по-английски*: Если я не ошибаюсь, обе поправки тождественны. Я бы хотел знать разницу между ними.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Поправка датской делегации предлагает исключить слова «. . . а также лица, запятнавшие себя сотрудничеством в какой-либо форме с врагами Объединенных Наций».

Украинская поправка предлагает исключить слова «. . . сотрудничеством в какой-либо форме с врагами Объединенных Наций».

Н. П. БАЖАН (Украинская Советская Социалистическая Республика): Нет, это не правильно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Если они тождественны, вторую не следовало вносить. Я попрошу украинскую делегацию зачитать их поправку.

Н. П. БАЖАН (Украинская Советская Социалистическая Республика): Я прочту текст в том виде, в каком я представляю его Ассамблее: «Квислинги, предатели и военные преступники не должны рассматриваться как беженцы, которые могут пользоваться покровительством Объединенных Наций» и т. д. Таким образом я предлагаю исключить фразу «. . . а также лица запятнавшие себя сотрудничеством в какой-либо форме с врагами Объединенных Наций».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Это совершенно та же поправка, что и внесенная датской делегацией. Извините за ошибку. Значит, украинской поправки к поправке не имеется.

Поправка датской делегации предлагает исключить слова «. . . а также лица, запятнавшие себя сотрудничеством в какой-либо форме с врагами Объединенных Наций».

Голосование производится поднятием рук.

Решение: *Поправка отклоняется большинством 21 голоса против 7.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Поименное голосование потребовано для поправки советской делегации в ее первоначальном виде, которая гласит:

«Квислинги, предатели и военные преступники, а также лица, запятнавшие себя в какой-либо форме с врагами Объединенных Наций, не должны рассматриваться как беженцы, пользующиеся правом на покровительство Объединенных Наций. Квислинги, предатели и военные преступники, продолжающие скрываться под видом беженцев, должны быть немедленно возвращены в свои страны».

Слово имеет представитель Югославии г-н Беблер.

А. БЕБЛЕР (Югославия) *говорит по-французски*: Я хотел бы поднять вопрос к порядку ведения заседания. По мысли делегации УССР и делегации СССР, речь шла о том, чтобы поставить на голосование этот третий пункт без фразы «. . . а также лица, запятнавшие себя сотруд-

Digitized by UNOG Library

ничеством в какой-либо форме с врагами Объединенных Наций», которую сами эти делегации предложили исключить. Надо, чтобы Председатель нашел способ поставить на голосование советское предложение в том виде, как оно исправлено самой советской делегацией.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Я очень жалею, что мне приходится это говорить, но есть только один способ соблюдения порядка при обсуждении: это — сначала голосовать поправки к поправкам, затем поправки и, наконец, основной текст. Так как поправка к поправке была отклонена, то на голосование должен быть поставлен первоначальный текст советской поправки.

А. БЕБЛЕР (Югославия) *говорит по-французски*: Это нелогично. Делегация имеет право взять назад собственное предложение. Если она не хочет брать его назад целиком, она может взять назад часть его.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: С того момента, что поправка внесена, она становится предметом обсуждения и не является больше собственностью внесшей ее делегации.

Слово имеет представитель Союза Советских Социалистических Республик г-н Вышинский.

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Произошло недоразумение. Советская делегация предложила поправку. Затем советская делегация эту поправку видоизменила. Она согласилась на исключение фразы «... а также лица, запятнавшие себя сотрудничеством в какой-либо форме с врагами Объединенных Наций». Генеральная Ассамблея не может голосовать текст в иной редакции, чем та, какую предлагает советская делегация. В противном случае получилось бы, что Ассамблея может принять видоизмененный текст. Поэтому, для того чтобы не могло возникнуть недоразумений, мы должны поставить на голосование поправку в редакции советской делегации, а именно: «Квислинги, предатели и военные преступники не должны рассматриваться как беженцы, которые могут пользоваться покровительством Объединенных Наций» и т. д. Иными словами, мы должны поставить на голосование текст, из которого исключена следующая фраза «... а также лица, запятнавшие себя сотрудничеством в какой-либо форме с врагами Объединенных Наций».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Я жалею, что прения о процедуре происходят в такой поздний час. Если бы дело не шло о вопросе, который может иметь большое значение для дальнейших прений, я бы не настаивал. Но вы должны решить принципиальный вопрос.

Повторяю, мое толкование следующее: с того момента, как поправка надлежащим образом внесена, она больше не принадлежит внесшей ее делегации, она принадлежит Ассамблее. Всякая поправка к поправке должна быть сначала поставлена на голосование. Разрешите мне заметить, что, если бы какая-нибудь другая поправка к поправке была внесена, например, не делегациями УССР или СССР, а какой-нибудь другой, и была принята, то делегация СССР не имела бы больше возможности взять назад свою поправку и представить ее в новом виде. Этот принцип представляется мне несомненным. С того момента, как поправка внесена, она принадлежит Ассамблее. Это единственный способ производить голосование правильным образом.

Если Ассамблея не разделяет моей точки зрения, то, будучи наименее упрямым из всех председателей, я приму толкование представителя СССР. Но если Ассамблея примет этот порядок, надо, чтобы она знала, что при других обстоятельствах он может завести ее в тупик.

А. Я. ВЫШИНСКИЙ (Союз Советских Социалистических Республик): Я крайне признателен за это разъяснение, но я хочу взять обратно первую редакцию и предложить новую редакцию. Я вправе это сделать. Поэтому я прошу, чтобы на голосование была поставлена вторая редакция, а не первая.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Всякая делегация, конечно, имеет право взять назад свою поправку, если не было голосования по поправке к поправке. Не надо было допускать голосование по поправке к поправке. Теперь я бы хотел найти примирительную формулу. Я прошу Ассамблею считать, что то, что мы сделаем, не является принципиальным решением. Возможно, что произошла путаница. Представитель Союза Советских Социалистических Республик вместо того, чтобы принять датскую поправку и допустить голосование по ней, мог просто сказать, что он вносит новую поправку и берет назад первую. Чтобы придти к соглашению, я рекомендую голосовать предлагаемый представителем СССР текст, оговорив, что Генеральная Ассамблея не рассматривает этот порядок как прецедент и не провозглашает, что поправка, к которой была внесена, но не принята поправка, может быть взята назад.

Слово имеет представитель Новой Зеландии г-н Фрейзер.

Питер ФРЕЙЗЕР (Новая Зеландия) *говорит по-английски*: Предлагаемый сейчас выход, может быть, самый простой, но и самый опасный. Он вызовет путаницу в будущем, если представителям будет разрешено видоизменять свои поправки после того, как произведено голосование. Это неправильно. Нет ни одного представительного учреждения в мире, которое бы это допускало. Я не протестую и хочу покончить с этим делом, но я считаю, что ваше заявление, что нельзя это рассматривать как прецедент правильно.

До момента голосования представитель может просить у Ассамблеи разрешения (только Ассамблея может дать такое разрешение) либо изменить, либо взять назад поправку, ибо, как вы ясно указали, она больше не является собственностью внесшей ее делегации, она является собственностью Ассамблеи, и иметь возможность в любой момент взять ее назад, значило бы издеваться над людьми. Раз она внесена, этого уже нельзя сделать. Согласно любому регламенту в мире в любом представительном собрании, это можно сделать только с согласия собрания.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Я считаю, что мы можем и спасти принцип и

Digitized by UNOG Library

положить конец этой дискуссии, если Ассамблея единогласно решит, что формулированное мною правило — правило, которое, уверяю вас, является бесспорным — не будет применено в данном случае. Таким образом, принцип будет соблюден, и мы дадим удовлетворение представителю СССР.

Слово имеет представитель Соединенного Королевства г-н Ноел-Бейкер.

НОЕЛ-БЕЙКЕР (Соединенное Королевство) *говорит по-английски*: Как вы правильно сказали, поправки являются собственностью Ассамблеи. Но Ассамблея может разрешить одному из своих членов взять назад свою поправку. Значит, Ассамблея может дать такое разрешение советскому представителю.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Вопрос стоит не так, как представил г-н Ноел-Бейкер. Советский представитель не просит о том, чтобы взять назад свою поправку. Он хочет внести ее в новом виде, без фразы, относящейся к лицам, запятнавшим себя сотрудничеством с врагами Объединенных Наций. А это именно та фраза, которая была оставлена в результате голосования датской поправки к поправке. Я повторяю свое предложение: если Ассамблея единогласно решит, что в данном случае обычное правило не будет применено, принцип, по-моему, будет соблюден и обсуждение может продолжаться. Возражений нет. Значит, мы постановляем, что формулированное мною правило действительно, но что в данном случае мы делаем исключение. Таким образом поправка ставится на голосование в следующем виде:

«Квислинги, предатели и военные преступники не должны рассматриваться как беженцы, которые могут пользоваться покровительством Объединенных Наций. Квислинги, предатели и военные преступники, которые все еще скрываются под видом беженцев, должны быть немедленно возвращены в их страны».

Производится поименное голосование.

Голосовали за:

Белорусская Советская Социалистическая Республика, Чехословакия, Дания, Эфиопия, Иран, Норвегия, Польша, Украинская Советская Социалистическая Республика, Союз Советских Социалистических Республик и Югославия.

Голосовали против:

Аргентина, Австралия, Бельгия, Боливия, Канада, Колумбия, Костарика, Доминиканская Республика, Эквадор, Сальвадор, Франция, Греция, Гондурас, Индия, Либерия, Нидерланды, Новая Зеландия, Парагвай, Перу, Филиппины, Турция, Южноафриканский Союз, Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Уругвай и Венесуэла.

Воздержались:

Бразилия, Чили, Китай, Саудовская Аравия, Сирия и Ирак.

Решение: *Поправка отклоняется большинством 26 голосов против 10 при 6 воздержавшихся. Девять делегаций не принимали участия в голосовании.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *говорит по-французски*: Так как все поправки отклонены, остается только основной текст. Прошу делегации, которые желают голосовать за резолюцию в том виде, как она поступила из Комитета, поднять руку.

Решение: *Резолюция принимается сорока двумя голосами. Ни голосующих против, ни воздержавшихся не имеется.*

Заседание закрывается в 1 ч. 05 м. утра.

ДОБАВЛЕНИЕ

Представитель Гондураса г-н Тибурсио Кариас младший попросил, чтобы текст речи, которую он по независящим от него обстоятельствам не мог произнести, когда доклад Третьего комитета обсуждался на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи 12 февраля 1946 г., был роздан для сведения членов Ассамблеи.

Тибурсио КАРИАС (Гондурас) *(Перевод с английского)*: Для некоторых из нас, имевших возможность на месте наблюдать колоссальную работу, проделанную Подготовительной комиссией Объединенных Наций, эта конференция была не просто холодной протокольной формальностью, а, наоборот, периодом серьезной работы, посвященной задаче обеспечения нормальных правовых условий в мире, которому все время угрожает опасность пагубного цинизма. Это собрание самым серьезным образом стремилось к успеху новой концепции положительного и бдительного интернационализма, к тому, чтобы дать директивы человечеству, способному оценить огромную эволюцию, вызванную ходом событий.

Тем не менее, на заседаниях Генеральной Ассамблеи были рассмотрены объективно многие другие проблемы, которые все еще затуманивают грядущий мир. Были сделаны попытки установить более прочную и справедливую универсальную концепцию. Но, несмотря на это, широкая публика часто с тревогой спрашивает себя, не затерялось ли ударение, которое мы в нашей работе делали на вопросах культуры и морали, в лабиринте холодных и замысловатых фраз юридической процедуры и в начетничестве различных комитетов.

Было бы опасно и бесплодно придавать слишком большое значение простым чувствам при обсуждении сложных вопросов, где, напротив, должен преобладать холодный разум. Но на мою долю выпала странная и печальная честь пережить во всей полноте и близости европейскую трагедию, наблюдать патетические сцены беженства, акты отчаяния, вызванные злобой и бессилием, и это налагает на меня обязанность заявить, что, для того чтобы мораль восторжествовала, необходимо очистить жестокую действительность посредством высших действий. Поэтому, с риском повторить то, что само собой разумеется, и оправдываемо только результатами жестоких фактов, а не пустой фантазии, я бы хотел думать, что, несмотря на чудовищную жестокость столь недавнего прошлого, настоящее, хотя оно несомненно и стоит под знаком грозной проблемы нарушенного равновесия, не является, однако, шагом назад.

Я верю, что в нашей Организации возобладает убеждение, что мы должны в первую очередь

Digitized by UNOG Library

искренно стремиться к восстановлению всеобщего доверия, ибо как нищета делает невозможным развитие многих человеческих свойств, так и страх является рычагом многих неблагородных помыслов людей.

Я надеюсь, что народы, которые так инстинктивно объединились перед лицом смертельной опасности, своим примером смогут вдохнуть миру дух соревнования и докажут еще большую способность к жертвам ради бесконечно более благородных идеалов мира. Тогда слабые страны поверят, что надо лойяльно держаться принятой нами на худой конец формулы, по которой полезность Объединенных Наций зависит от искреннего согласия между великими державами. Они поверят также, что при взаимозависимости государств преобладающая власть, приобретенная великими державами, перестанет быть двигателем страха, а станет, наоборот, источником всеобщего счастья.

Таким образом, недоумения и сомнения, которые в прошлом мешали проведению в жизнь творческих побуждений благороднейших государственных людей, будут навсегда устранены, и благородные правила, содержащиеся в многословных документах, перестанут быть пустыми и жестокими риторическими формулами. Я верю, что по крайней мере в нашу космическую эпоху мое скромное выступление будет содействовать общему усилию отстранить духов, одержимых накопившимися архаическими сложностями, и установить нормы цивилизации, которая будет изо дня в день улучшаться и сама по себе будет не случайностью, но будет проистекать из глубоких политических и человеческих побуждений. Говоря многозначительными, но простыми словами президента Рузвельта, «мы будем стремиться к совершенству», ибо, я думаю, мы согласимся, что сегодняшние идеалисты, это — практические люди завтрашнего дня.

Не нужно большой зоркости, чтобы понять, что в теперешних великих потрясениях, когда самые трагические события как-будто происходят одновременно во всем мире, наш неустранимый долг, в сознании судьбоносности момента, подняться над национальными заботами и принять на себя высшую роль всемирного гражданства. Мы должны типичным примером просвещенного соблюдения собственных интересов показать, что, ускоряя наступление эпохи процветания между соседями, мы реально благодетельствуем все человечество.

Поэтому разрешите мне со всем смирением и в уверенности, что в нынешних беспримерных обстоятельствах лучше быть обвиненным в неблагоразумии, чем коснеть в бездействии, закончить тем, что подчеркнуть следующие задачи:

1. Пытаться закрепить скрытые и разбросанные факторы и использовать их для высшей цели создания системы международного самосознания, способного предоставить в распоряжение всех стран все блага цивилизации.

2. Установить стройную и адэкватную международную систему образования, которая вдохновляла бы ищущие и живые умы, способные создать большее спокойствие и большую коллективную ответственность, на путях, намеченных решениями Просветительной, научной и культурной организации Объединенных Наций (ЮНЕСКО).

3. Добиваться прежде всего того, чтобы конфликты между международной экономической политикой и национальными нуждами были менее острыми и частыми.

4. Развивать пути сообщения и службу связи и поощрять, в печати и по радио, взаимное уважение и признание.

5. Не обескураживаться печальным зрелищем неоправдавшихся иллюзий.

6. Стимулировать повсюду достаточную и спокойную способность приспособляться к особым условиям и выдвигать на первый план человеческий элемент, который может стать постоянным фактором международного благоденствия.

Я считаю, что в работе всех органов Объединенных Наций мы не можем преувеличить значение вопросов образования и культуры. Как я сказал по другому случаю. «Сегодня, когда народы отвергают с негодованием унизительные психологические преграды, когда самые знаменитые антропологи предают посмеянию колоссальную наглость идеи расового превосходства и единодушно утверждают, что в деле культуры нет места для расового различия, — сегодня настал момент устремиться к наивысшим целям, доступным человеческому разуму и изыскать наивернейший способ для обеспечения того, чтобы общая сумма неисчислимых усилий отдельных людей, была выражена наиболее полно и плодотворно». Для молодых стран, желающих удовлетворить свое стремление к славе и справедливости, не может быть ничего более ободряющего, чем уверенность, что они быстро превратят свое редкое население в компактные социальные единицы, которые по своим качествам будут более пригодны к исполнению великих обязанностей и высоких задач.

Таким образом, мир станет поприщем неустанной производительной деятельности и приобретет духовное изящество. Или же по крайней мере он станет реальностью, где, вместо обильных обещаний прав, будут действовать суровые силы экономической и социальной справедливости.

Digitized by UNOG Library